

ВИА ДОЛОРОЗА В ПЕЩЕРАХ УРОЧИЩА МАЛЫЕ ДИВЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Рассматривается история создания и семантика культовой пещеры в Дивногорском Успенском монастыре Воронежской области в контексте сооружения европейских новых иерусалимов. Расположенная в районе впадения в Дон реки Тихой Сосны мужская обитель стала обустраиваться в середине XVII столетия. Данное событие произошло вследствие светской и монастырской колонизации южных окраин Московского государства выходцами из западной Украины. Пришедшие на новое место жительства иноки принесли с собой существующую на родине и сопредельных с ней территориях традицию сооружения Виа Долороза – образа Крестного пути Христа. Его воплощение в Подонье нашло новые подземные формы, развившиеся в создании в меловой породе семи архитектурно оформленных станций.

Ключевые слова: Дивногорье; хождения в Святую Землю; Новый Иерусалим; Виа Долороза; пещеры.

Среди более полусотни пещер донской земли настоящей жемчужиной является скальный пещерный комплекс в урочище Малые Дивы в Лискинском районе Воронежской области [1. С. 141; 2. Р. 351–354]. К настоящему времени история его изучения охватывает около двух с половиной столетий. Так, уже в 1769 г. академик Самуэль Готлиб Гмелин произвел осмотр достопримечательностей находящегося здесь Дивногорского Успенского монастыря, оставив после себя краткое описание пещер и меловых останцов-див [3. С. 144]. После этого было множество других исследований подземелий, расположенных в районе впадения в Дон реки Тихой Сосны [4. С. 9–102; 5. С. 18–28]. Вместе с тем не производилось подробного изучения обходной галереи, вырубленной в меловой породе вокруг пещерного храма на предмет ее семантической нагрузки. Данная работа призвана нивелировать этот пробел, впервые поднимая вопрос о символическом повторении здесь сакральной топографии Иерусалима.

Таким образом, целью представленного исследования является выявление семантики архитектурных элементов подземного хода вокруг пещерного храма Иоанна Предтечи в урочище Малые Дивы на Среднем Дону. При ее достижении нами выдвигается гипотеза о символическом отражении здесь Виа Долороза (Пути Скорби, Крестного Пути), улицы в Иерусалиме, символически отражающей путь Иисуса Христа к месту распятия. При этом нами решаются следующие задачи: 1) выяснение историко-культурного контекста сооружения данного памятника; 2) анализ письменных источников, так называемых хождений к Святой Земле и применение полученных данных к архитектурным элементам дивногорского пещерного комплекса. Решение второй задачи позволяет открыть новый методологический аспект понимания предназначения многочисленных лабиринтов других культовых пещер Русской равнины.

Согласно известным на сегодняшний день документальным свидетельствам Дивногорский Успенский мужской монастырь является наиболее древней в Подонье обителью. В настоящее время суммарная протяженность его подземных лабиринтов составляет – 351 м [6. С. 164], (рис. 1). Развитие монастыря в середине XVII столетия было тесно связано с западным колонизационным потоком. В это время в Подонье, на южные окраины Московского государства, из-за Днепра переселяются казаки во главе с Иваном Дзиньковским, обу-

страивая г. Острогожск. Данный миграционный поток был вызван поражением в 1651 г. у села Берестечко на Волыни запорожского войска Богдана Хмельницкого от армии Речи Посполитой. Вместе с казачеством в Подонье переселились представители духовного сословия, возрождая расположенный неподалеку от Острогожска Дивногорский монастырь [7. С. 4]. Практика прихода вместе со светскими переселенцами духовенства с церковной утварью, иконами, богослужебными книгами, антиминсами была обычна для того времени [8. С. 176]. Принесли с собой антиминс, выданный митрополитом Киевским и Галицким Петром Могилой, и иноки Дивногорской обители [9. С. 520].

Надо заметить, что в середине XVII в. Дивногорский монастырь не был единичным примером православной монастырской миграции, движимой межконфессиональными противоречиями. Так, например, «в 1654 г. в 4 верстах от Ахтырки, основан Троицкий Ахтырский монастырь игуменом Иоаникием, пришедшим из-за Днепра с братиею до 40 человек, с церковною утварью, с книгами, ризами и даже колоколами» [10. С. 73]. На волынской родине переселившихся в Острогожск казаков в это время протекал конфликт католиков и униатов с православными [9. С. 417–420; 11]. В результате данного противостояния существующие здесь многочисленные православные монастыри были захвачены либо иезуитами-католиками (Пересопненский, Клеванский и др.), либо базилианами-униатами (Жидиченский, Городищенский, Мильчанский, Колодеженский и др.) [12].

К сожалению, известные на сегодняшний день письменные источники не позволяют конкретно определить монастырь, из которого пришли дивногорские иноки. Возможно, это был один из волынских монастырей, насельники которого пришли с казаками Ивана Дзиньковского. Но нельзя исключить и предположение, высказанное В.Н. Тевяшовым: «Не искать ли первых иноков Дивногорского и Шатрищегорского монастырей в числе тех монахов Густынского, Мгарского и Николаевского монастырей киевской митрополии, бежавших оттуда в 1638 г. в Московское государство и ожидавших решения своей участи Московским правительством в городе Путивле» [13. С. 59]. Иноки этих монастырей, опасаясь насильственного насаждения унии [14. С. 24–25] и ожидая своей участи в Путивле, могли здесь встретиться с И. Дзиньковским, писавшим оттуда челобитные царю Алексею Михайловичу, и продолжить с ним путь на Дон.

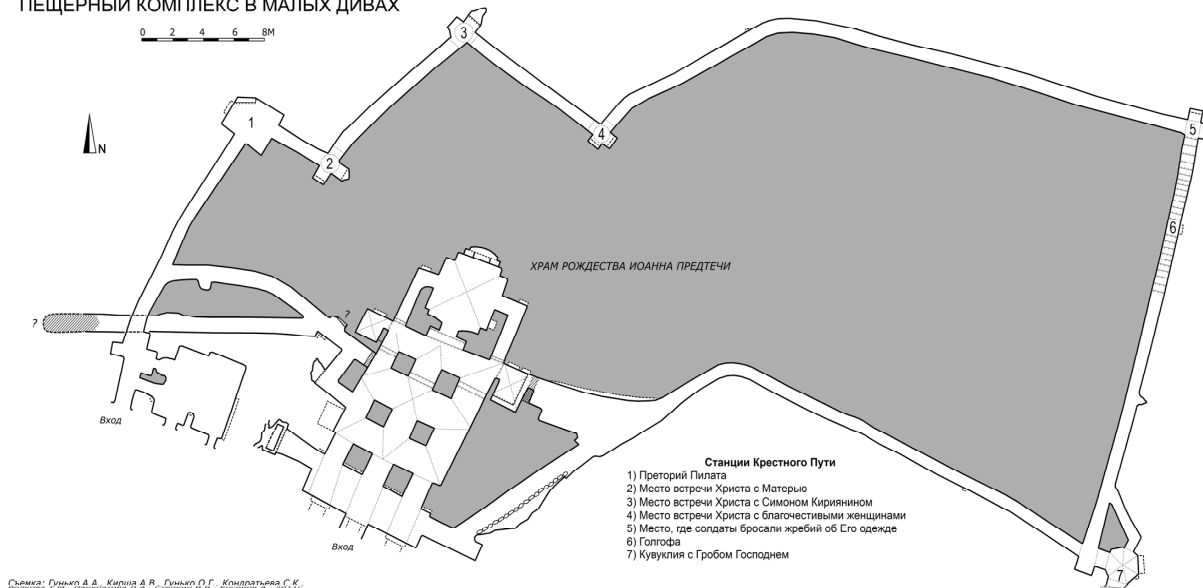

Рис. 1. План пещерного комплекса в Малых Дивах 2011 г. с нанесением на него авторской легенды Крестного пути в 2017 г.

Еще одна немаловажная для нас деталь, связанная с Путивлем, показывает насколько хорошо в России в то время были осведомлены о Святых Местах Иерусалима. Так, на путивльской заставе 29 октября 1652 г. приставами были задержаны до государева распоряжения греческие старцы: иерусалимский архимандрит Иоасаф с келарем Филофеем, сопровождающие иеродьякона Троице-Сергиевой лавры Иону в его возвращении из паломничества в Иерусалим. Греки были посланы иерусалимским патриархом Паисием в Москву с грамотами к царю Алексею Михайловичу и царице Марье Ильиничне [15. С. V–VI]. Иону сразу пропустили в Москву, куда он и прибыл 22 ноября, архимандриту Иоасафу пришлось немного задержаться, и он попал в Москву лишь 19 декабря 1652 г. [16]. В Иерусалим же Иона отправился 10 июня 1649 г. вместе с патриархом Паисием и Арсением Сухановым. Туда он прибыл 10 мая 1651 г., а выехал на родину через год [15. С. I]. Для нас особенно важен тот факт, что после себя Иона, по прозвищу Маленький, оставил рассказ о своем путешествии, в котором особое место уделено описанию церкви Воскресения и Гроба Господня.

Так или иначе, но прибывшие с казаками Дзиньковского монахи начали постепенно обустраиваться на новом месте, возрождая заброшенный к этому времени монастырь. В 1653 г. его игумен Гурий писал царю Алексею Михайловичу о том, что они «в Дивных горах монастырь вновь и церкви поставили и кельи и ограду около монастыря своими трудами». Причем церкви было две: одна – во имя Успения Пречистой Богородицы «выбита в камени в столбе у горы, а на берегу реки Дона – церковь великого Чудотворца Николы» [7. С. 4].

Спустя 32 года после написания данного письма Дивногорье посетил И.И. Жолобов в рамках военно-географической экспедиции. В своих записях он отмечал наличие уже трех храмов: сохранился храм Свяителя Николая, была построена новая Успенская

соборная церковь, а пещерный храм начал реконструироваться. Дословно сообщалось следующее: «В том монастыре соборная церковь во имя Пресвятыя Богородицы Успения, другая церковь с трапезною во имя великого чудотворца Николая. А церкви построены брущатые, дубовые. Повыше того монастыря в полукаменной в меловой горе почата строить церковь» [17. Л. 115]. Реконструкция пещерного храма и его новое освящение в честь Иоанна Предтечи состоялось в 1693 г. В начале XX в. на горнем месте пещерной церкви еще можно было прочесть надпись: «Освятися жертвенник Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа во храме Рождества Св. Иоанна Предтечи <...> от Рождества Христова 1693-го индикта 1-го месяца Ноября 7 дня <...>» [7. С. 55].

Можно предположить, что параллельно с реконструкцией пещерного храма было начато и строительство Крестного пути. Ведь на конец XVII в. в литературе фиксируется протяженность пещер уже около 60 сажень. Посетивший эти места Петр I наблюдал в одной из див вход в «церковь во имя св. пророка Иоанна Предтечи, с пещерою в горе глубиною до 60 сажень...» [18. С. 275–276]. Вице-адмирал Крюйс, с эскадрой которого в 1699 г. посетил Дивногорье Петр I, писал о пещерах в Малых Дивах: «Монастырь в меловой горе длиною 400 футов высечен и 9 футов шириною, стоя на своих натуральных столбах, в нем хитростью высеченных, в котором изрядная церковь с покаями принадлежащими» [19. С. 52]. Относительно 1699 г. интересно отметить еще одну деталь, иллюстрирующую отношение Петра I к Гробу Господню: «Думному советнику Емельяну Игнатьеву Украинцеву повелено было Петром Великим <...> помогать у турок отдачи грекам Гроба Господня, со всеми святыми местами в Иерусалиме, которыми завладели было францисканские монахи, по ходатайству Людовика XIV. Есть известие, что Петр Великий хотел сделать еще более – исторгнуть гроб Господень и перенести его в Россию и что об этом деле шли у него

переговоры с турецким султаном в 1709 году» [20. С. XV–XVI].

Если мы сопоставим протяженность современного хода обходной галереи вокруг алтаря храма Иоанна Предтечи – 174 м, с упомянутым в литературе расстоянием 60 саженей, или 127,8 м, то увидим на первый взгляд имеющееся несоответствие, составляющее около 46 м. Данное несоответствие снимается, если мы исключим из общей протяженности галереи прихрамовое пространство, взяв за основу лишь Крестный путь в чистом виде. О справедливости тезиса о том, что галерея вокруг пещерного храма приобрела свой законченный вид уже в конце XVII столетия, а не достраивалась позже, говорит и тот факт, что в описании ее в начале XX в. присутствуют почти те же цифры при наличии сквозного прохода через нее. Так, в своем фундаментальном исследовании по истории Дивногорского Успенского монастыря, вышедшем в свет в 1904 г., П.В. Никольский отмечал: «От пещерной церкви идет на протяжении 56 саженей коридор, весьма неровно, то поднимаясь, то опускаясь, и выходит наружу недалеко от церкви» [7. С. 5].

К сожалению, обустроенные в Дивногорском монастыре во второй половине XVII в. пещерный храм и Путь Скорби потеряли свою историю спустя столетие. Так, в 1823 г. пещеры в Малых Дивах описывались следующим образом: «Первая пирамида, недалеко от монастыря стоящая, всех более примечания достойна по величине своей и по устроенной в ней церкви, из коей проведен на некоторое расстояние подземный ход в виде улитки. Древность церкви и хода неизвестны» [21. С. 31–32]. То есть уже к этому времени функциональное предназначение хода было забыто в связи с закрытием монастыря с 1788 по 1828 г. [7. С. 28–30]. Лишь в среде местных жителей бытовали предания об авторах его создания – иноках-малороссах. По этому поводу Г.П. Данилевский отмечал следующее: «В верхней церкви есть пещеры, как повествуют туземцы, вырытые на пространстве почти шестидесяти саженей во внутренность горы, киевскими монашествующими пришельцами» [22. С. 165].

С началом возрождения монастыря в начале XIX в. инокам вновь пришлось открывать для себя сакральное предназначение скальной архитектуры. И если относительно восприятия храма, благодаря его классической структуре и алтарной надписи трудностей не возникло, то понимание символизма архитектуры столь нетипичного для России Крестного пути было утрачено. Не был возобновлен культ пути скорби в Дивногорском монастыре и в начале XX в. Так, Н.Е. Макаренко делает в это время следующее описание пещер: «...маленькие камеры (быть может, также церковки) встречаются в глубине пещер, устроенных вообще в разных горизонтах, то поднимающихся, то вновь опускающихся. На каждом шагу при осмотре их замечаются в стенах маленькие нишки для образов или большие ниши с боковыми выступающими заплечиками, выдолбленными в боковых стенках» [23. С. 45]. У Макаренко не только нет описания предназначения обходной галереи вокруг храма, но и на иллюстрирующих текст фотографиях мы не видим в киотах-нишах икон.

Решая задачу семантики Скорбного пути в Малых Дивах, необходимо сделать экскурс в историко-культурную канву иерусалимского прототипа, проследив традицию его переноса на европейскую почву. Сакральным центром христианского мира является комплекс храма Гроба Господня в Иерусалиме. Паломники, посещающие эти места, стремятся пройти по Крестному пути, отражающему шествие Христа на Голгофу, именуемому в туристических путеводителях по-латыни Виа Долороза. Виа Долороза – это лишь образ пути Спасителя с символическими остановками, именуемыми станциями. Само понятие «станция» позднее принадлежит перу английского пилигрима Уильяма Уэй, который посетил Святую землю в 1458 г. [24. С. 90]. Настоящая же дорога Христа находится ниже в слоях разрушенного римлянами города и доступна для изучения лишь археологам. Но для нашего исследования это не имеет принципиального значения, так как мы говорим о переносе именно позднесредневекового образа Крестного пути в европейское христианское сакральное пространство.

«Сама традиция Крестного Пути, его, если можно так сказать, “маршрут”, каким мы его знаем сегодня, восходит исторически не глубже, чем к XIV столетию. И с самого начала его происхождение связано с деятельностью Францисканского ордена» [25. С. 84]. В 1342 г. им было предоставлено право попечения над святыми местами Иерусалима. Здесь на Крестном пути они особо выделяют места встречи Христа с Матерью, благочестивыми женщинами, с Симоном Кириянином; места, где солдаты бросали жребий об Его одежде, где Он был пригвожден к кресту; дом Пилата, храм Гроба Господня [26]. Надо заметить, что первоначально у францисканцев не было единообразия относительно числа, названий и даже последовательности станций в формировании сакрального пространства Иерусалима и переноса его образа на европейскую почву. Количество станций в создаваемых ими в XV–XVI вв. европейских новых иерусалимах было различно. Наиболее часто фигурировало число семь. Число семь в количестве позднесредневековых станций может интерпретироваться через полноту страданий Христа за все грехи человечества, олицетворяемые понятием «семь смертных грехов» [27]. Примечательно, что в развитии культа Виа Долороза имеет место не только перенос сакрального пространства Иерусалима на европейскую почву, но и обратного рода структурирование культурного ландшафта. Утвердившееся к настоящему времени в Иерусалиме количество станций 14 впервые появляется в Нидерландах. Оно представляло собой, как признают сами францисканские авторы, скорее «плод кабинетного богословского благочестия, чем обобщение иерусалимской практики, поскольку турецкие власти Святого Города не позволяли тогда организовывать тех или иных реальных остановок» [24. С. 90]. Число 14 в этом ключе можно рассматривать как удвоение числа 7, относящегося к более ранней традиции создания количества станций.

Если говорить о формах выражения посредством искусства католического европейского культа страстей Христовых, то создаваемые здесь многочислен-

ные станции выражались, как правило, в храмовом пространстве сменой скульптур или живописных полотен, а в монастырском ландшафте – тематических часовен – калварий. В странах Восточной Европы, граничащих с Россией, можно отметить такие калварии, как Зебжидовская и Вейхеровская в Польше, Вильнюсская и Жямайтийская в Литве, Минская и Мядельская в Белоруссии, созданные в XVII–XVIII вв.

В саму же Россию копирование святых мест проникает с середины XVI в. Так, например, с этого времени в Москве и ее окрестностях строятся храмы, подражающие иерусалимскому топосу [28. С. 709–710]. Тогда же начинается широкое распространение переносов названий палестинских сакральных локусов на русскую почву [20. С. XVI–XVII]. В наиболее объемной, целостной форме проект воспроизведения культурного ландшафта Святой земли на Русской равнине осуществляется во второй половине XVII в.: в Подмоскovie патриарх Никон организует строительство Нового Иерусалима. Здесь появляются такие оронимы, как Сион, Елеон, Фавор, Рама, гидроним – Иордан; строятся храмы Рождества Христова, Преображения Господня, Входа Господня в Иерусалим, Воскресения и Вознесения Господня и пр. Создание этого проекта стало возможно для Никона в результате философского осмысления Иерусалима как земного первообраза, который может быть воспроизведен «повсюду», так как сам этот город – лишь икона Царства Небесного [29. С. 747].

Нельзя не отметить и политический фон появления в России подобного рода проектов. Так, например, одним из инициаторов сближения русской христианской культурной традиции с восточной греческой выступал иерусалимский патриарх Паисий, оказавший большое влияние на формирование взглядов Никона. На фоне этого сближения для Паисия было важно подталкивание Московского государства к борьбе с Турцией для освобождения Святой земли от инославного влияния [16]. «С развитием в XVI в. взгляда на Москву как на последнее православное царство, почитание святынь Палестины обрело государственный масштаб и пошло по традиционному для Западной Европы направлению. Уподобляя свое царство Святой Земле, а столицу – новому Иерусалиму, московские цари стремились к переносу на Русь топографии святых мест» [30. С. 146].

Традиция переноса сакрального пространства Святой земли на русскую почву продолжилась и в Петербургский период, когда Россия стала империей. Так, например, в XVIII в. создаются скиты Троицко-Сергиевой лавры – Вифания и Гефсимания. В конце XIX – начале XX в. на Валааме, в Воскресенском скиту по проекту финляндского архитектора В.И. Баранкеева строится храм Христова Воскресения, в нижнем этаже которого была устроена Кувуклия по подобию иерусалимской. При игумене Маврикии, возглавившем монастырь в 1907 г. и лично побывавшем на Святой земле, библейские географические названия древней Палестины были перенесены на карту Валаама. Здесь частью Нового Иерусалима становятся Воскресенский и Гефсиманский скиты, гора Сион, Кед-

ронский поток, гора Елион, Иосафатова долина (Никоновское поле), река Иордан (Кирпичная канава), Мертвое море (Лещевое озеро) [31. С. 93–103].

Пример переустройства топики Валаама по примеру Святой земли говорит еще об одной, вместе с политической, составляющей этого процесса. Речь идет о влиянии на человека личного паломничества к святыням Иерусалима или чтения о таком путешествии в многочисленных «хождениях», проскинитариях. В данной работе мы не будем обращаться ко всем подобного рода источникам, сделав, прежде всего, акцент на хронологически близких к обустройству Дивногогорского монастыря в XVII в. памятниках паломнической литературы. В XVI в. – это, прежде всего, описания посещений Святой земли Василием Позняковым (1559–1561) и Трифоном Коробейниковым (1593–1594). Из паломников XVII в. известны Василий Гагара (1634–1637), Иона Маленький (1649–1652) и Арсений Суханов (1651–1653) [32. С. 69]. Учитывая контекст миграций на южные окраины Московского государства выходцев из украинских земель, мы не можем оставить в стороне и путешествие в Святую землю польского князя Николая Радзивилла, посетившего Иерусалим в 1583 г. Время перевода Путешествия Николая Радзивилла, получившего распространение среди образованной части русского общества, «с польского языка на словенский, сиречь на российский» относят к 1677 г. [33. С. 249–251; 34. С. 297].

На важную особенность перенесения в Россию иерусалимского топоса обратил внимание Л.А. Беляев. На всех подобного рода проектах «лежит отпечаток европейских влияний, они локализованы в зонах постоянного (географического) контакта с Западом (Новгород) или в хронологических рамках вестернизации» [35. С. 203].

Предполагаемое нами прочтение символики Крестного пути в Малых Дивах уникально не только в территориально-конфессиональном контексте, пещеры созданы в православной России, а не католической Европе, но и в плане особенности архитектуры, носящей подземный характер. С одной стороны под землей мы наблюдаем наземные аналоги маркирующие Крестный путь: улицы, часовни... Но с другой стороны, их восприятие носит особый характер: здесь все объекты воспринимаются изнутри. Когда ты идешь по подземному коридору-улице, ты не можешь созерцать часовню снаружи. Проходя через нее, ты наблюдаешь лишь внутреннее убранство. Еще одной особенностью является невозможность целостного охвата вниманием длинного отрезка Крестного пути. В.И. Плужников в статье, посвященной архитектуре пещерных монастырей, отмечает: «Пещерный интерьер, независимо от наличия декора и качества отделки, воспринимается иначе, нежели в наземных сооружениях. Подземное помещение, не имеющее окон, обычно обозримо лишь фрагментарно – в зависимости от местоположения искусственных источников света. Для того, кто в одиночку идет по коридору, темнота впереди рассеивается лишь на небольшом расстоянии, а сзади тут же смыкается. Идущий как бы несет вместе с собой изменчивый фрагмент пространства, доступный зрению» [36. С. 94].

Рис. 2. Ступени, ведущие на Голгофу, Малые Дивы

Рис. 3. Свод Кувуклии, Малые Дивы

Анализируя архитектурное пространство обходной галереи в Малых Дивах, мы сталкиваемся с неизбежной трудностью конкретной идентификации станций. Ведь как мы уже заметили, количество станций и их последовательность не имели долгое время устоявшегося канона. Вместе с тем, благодаря ряду архитектурных деталей, мы можем пролить свет на данную проблематику. Прежде всего, любой посещающий пещеры в Малых Дивах не мог не обратить внимание на одну из кажущихся странностей: идущий в горизонтальном направлении коридор вдруг начинает резко подниматься, а затем так же неожиданно опускаться вниз (рис. 2). Это невозможно объяснить никакой практической целесообразностью. Перед нами не что иное, как Голгофа. Если мы посчитаем общее количество ступеней, ведущих на Кальварию с севера, то увидим, что их всего 13. Четырнадцатая ступень представляет собой площадку размером $0,7 \times 0,8$ м. Поднявшись на нее, мы можем наблюдать в восточной стене коридора на высоте от пола в $0,8$ м нишу, тянущуюся до потолка ($1,2$ м). Ее ширина – $0,56$ м, глубина $0,35$ м. Можно предположить, что раньше в этой нише была икона с изображением распятия Христа или стоял киотный крест. От площадки далее на юг идут 9 ступеней вниз. Важно заметить, что упомянутые нами 13 ступеней на Голгофу хорошо коррелируют с описанием данного топо́са в храме Гроба Господня в Иерусалиме в хождениях Василия Позняка и Трифона Коробейникова. При этом вопрос заимствований Коробейниковым фрагментов текста Позняка для нас не имеет принципиального значения, учитывая литературную практику того времени, не отрицающую личного наблюдения описываемого [37]. У Василия Позняка мы читаем: «А подъем на святую гору Голгофу по лестнице в тринадцать ступеней» [38. С. 476]. У Трифона Коробейникова: «А одесную страну Воскресения Христова, в большую вшед церковь, идти высоко на гору, лестница каменная 13 ступеней, стоит гора высока, святая Голгофа [39. С. 12–13]. Нет противоречия с описанным количеством ступеней на Голгофу и в описании Радзивилла: «От туда восходя на лобную гору с небольшим чрез десять ступеней проходят место, где стоял Христов крест» [40. С. 74–75].

Вместе с тем необходимо заметить, что в рассматриваемых нами хождениях XVI–XVII вв. встречается и иное описание количества ступеней. Так, в повествовании Ионы Маленького речь идет о 22 ступенях: «...от тех дверей по той же стене в полуденной уголь на зимней восток лестница в верх на святую Голгофу, 22 ступени, на ней же распят Господь наш Иисус Христос нашего ради спасения» [41. С. 11]. Данное противоречие мы можем снять, просуммировав общее количество ступеней на Голгофу с разных сторон. Так, в галерее Малых Див при подъеме на Голгофу с одной стороны мы насчитываем 13 ступеней, а с другой стороны – 9 ступеней – всего 22 ступени. Примечательно, что данное соотношение ступеней невозможно вывести исключительно из рассматриваемых нами письменных источников, в которых число 9 не фигурирует вовсе. Если бы брались за основу создания Голгофы в Дивногорье лишь материалы хождений, то проектировщики

вырезали бы в мелу либо 13, либо 22 ступени. Этот фактор, на наш взгляд, может свидетельствовать о личном посещении одного из создателей дивногорских пещер иерусалимского храма Воскресения Христова.

Следующая рассматриваемая нами станция Пути Скорби в урочище Малые Дивы находится к югу от Голгофы и интерпретируется нами как Кувуклия или часовня Гроба Господня. Ее ключевые черты ассоциации с иерусалимским прототипом – шестигранное в плане помещение и наличие погребального ложа. Ширина граней помещения, начиная с западной по часовой стрелке, – $1,58$; $1,09$; $1,1$; $1,15$; $1,1$; $1,1$ м. Высота часовни – $3,15$ м. Потолок выполнен в форме шестилипесткового свода (рис. 3). В отличие от Голгофы и других станций Крестного пути данное помещение носит обособленный характер. Из галереи в него ведут два входа: западный – шириной $1,18$ м, высотой $2,08$ м (рис. 4), и северный – шириной $0,62$ м и высотой $1,83$ м. Коридор перед западным входом в помещение расширяется с обычного для меловой галереи размера в $0,9$ м до $1,4$ м, создавая дополнительный объем.

На восточной стене часовни вырезан прямоугольный киот высотой $1,67$ м, шириной $1,2$ м. В основании киота на высоте от пола $0,82$ м находится меловой уступ-полка с размерами горизонтальной поверхности $1,2 \times 0,27$ м. В ее торцах присутствуют вырезы для деревянной конструкции. Можно предположить, что в киоте ранее находилась икона, изображающая Воскресение Христа. Князь Радзивилл так в 1853 г. описывал подобный образ в иерусалимской Кувуклии: «На стене находится ветхая доска, на которой образ воскресшего Христа между двумя коленопреклонившимися Ангелами изображен» [40. С. 80].

Южная стена часовни углублена в тело шестигранной основы. Расстояние до нее от западного входа составляет $1,2$ м. В основании стены фиксируется уступ-лежанка высотой от пола $0,45$ м, от потолка – $1,48$ м с размерами верхней поверхности $1,36 \times 0,35$ м (рис. 5). Данный уступ имеет углубление в западной торцевой стенке высотой $0,45$ м и глубиной $0,34$ м и трактуется нами как погребальное ложе.

Ассоциация данного помещения с Кувуклией хорошо читается при восприятии общего концепта воспроизведения Гроба Господня в архитектуре, живописи, металлопластике, литературе, где авторский акцент делается на зрительных доминантах иконографически узнаваемых деталей иерусалимской композиции. Как уже отмечалось, это, прежде всего, многогранник внешней формы Кувуклии и погребальное ложе внутреннего убранства [30. С. 145–148]. Так, например, эти символы мы видим в иллюстрациях к хождениям игумена Даниила [42. С. 17] и Трифона Коробейникова [43. С. 138]. В текстовом варианте внешний вид Кувуклии упоминается в следующих хождениях. Коробейникова: «А верх у предельца над гробом Господним аки теремец» [39. С. 10]; Ионы Маленького: «а покрыта та святая пещера полатным образом, плоско; а ис тое святая пещеры зделаны в верх 4 оконца, и теми оконцы учинен шатрик востроверх, зделан на столбцах мраморных» [41. С. 9].

Рис. 4. Западный вход в Кувуклию, Малые Дивы

Рис. 5. Южная стена Кувуклии с Гробом Господнем, Малые Дивы

Если говорить о размерах погребального ложа Гроба Господня, описываемого паломниками в Иерусалим XII–XVII вв., то здесь мы можем

наблюдать значительную разницу в размерах, объяснимую реконструкционными работами [15. С. 9; 38. С. 475; 39. С. 8; 40. С. 77, 80; 41. С. 17; 43.

С. 164]. Для наглядности приведем в табличном варианте некоторые параметры сравнения с дивногорским эквивалентом. При этом надо заметить, что высота ложа, описываемая игуменом Даниилом, звучит как «а возвыше полулакти» [41. С. 17], в современном переводе – «а по высоте пол-локтя» [44. С. 149]. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с изначальной ошибкой переписчика, учитывая полу-

чающуюся небольшую высоту погребального ложа и значительное расхождение с другими данными. В этом случае упомянутое нами «а возвыше полулакти» изначально было: «а возвыше полу лакти», т.е. выше от пола на локоть. Перевод в таблице измерения из современной метрической системы в древнерусскую осуществлен исходя из соответствия размера локтя длине около 46,6 см [45. С. 20].

Размеры погребального ложа в иерусалимской Кувуклии и его копии в Дивногорье по материалам хождений и натуральных измерений

Источник информации	Измерение в Дивногорье, нач. XXI в.	Описание игумена Даниила, нач. XII в.	Описание князя Радзивилла, кон. XVI в.	Описание иеродиакона Ионны, сер. XVII в.
Высота	0,45 м (1 локоть)	1 локоть (или 0,5 локтя)	1,5 локтя	1,5 локтя
Ширина	0,35 м (1 локоть с учетом возможного выступа доски)	2 локтя	1 локоть	2 локтя
Длина	1,36 м (3 локтя)	4 локтя	–	4 локтя

Если говорить о расположении погребального ложа, то все хождения «единодушны», располагая его с правой стороны от входа. То же расположение отмечаем мы и в дивногорской Кувуклии. Это имеет свой прообраз в описании евангельских событий: «И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облаченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен» (Мк. 16.5). Вместе с тем нельзя не обратить внимание на разницу в размерах ложа в Дивногорье и ложа, описанного в хождениях. Дивногорское ложе меньше в длину и в ширину на один локоть по сравнению с данными, приводимыми игуменом Даниилом и иеродиаконем Ионою, и равно по ширине с данными князя Радзивилла. Высота дивногорского ложа соотносима, в нашей трактовке, с данными игумена Даниила в один локоть, расходясь на пол-локтя по высоте с данными князя Радзивилла и иеродиакона Ионы.

Данные расхождения в размерах могут быть объяснены и тем, что при переносе образа Гроба Господня из сакрального пространства Иерусалима на русскую почву образец воспринимался, как правило, не в архитектурной конкретике, а в образно-идейной, отраженной в богослужебной практике. Так, например, «в богослужении русской церкви Нового времени Гроб Господень – предмет, на котором в течение года до Великой пятницы лежит плащаница. Он является неотъемлемой частью чинопоследования службы Великого пятка и Великой субботы» [46. С. 158].

Остается теперь прояснить предназначение хода, ведущего из дивногорской Кувуклии в северном направлении. Здесь может быть два аспекта объяснения: в практической и литургической плоскости. В практической плоскости мы знаем пример, когда часовня Гроба Господня во времена крестоносцев состояла из двух главных частей. Причем ее западная часть с погребальной камерой была шестиугольной в плане и «движение паломников было организовано так, что они не пересекались (входили через северные двери портика и выходили через южные)» [47. С. 140]. Аналогичную планировку мы видим в дивногорской часовне, что ставит дополнительные вопросы относительно датировки памятника. Еще одно пред-

назначение данного хода может быть рассмотрено в контексте богослужебной практики. Так, известно, например, что во время путешествия в Иерусалим Радзивилла Кувуклия принадлежала католикам, служившим в ней мессу [39. С. 79]. В Русской православной церкви для служения литургии помимо Царских врат должны быть и дьяконские. В случае использования дивногорской часовни-кувуклии для совершения обедни роль Царских врат мог исполнять западный вход, а дьяконских – северный.

Интерпретируя в качестве станций Голгофу и Кувуклию, перед нами стоит задача идентификации оставшихся пяти остановок дивногорского Пути скорби. Среди них особенно выделяется первая остановка, вырубленная в скальной породе в виде часовни. Четыре другие станции имеют сходную планировку в перекрестках поворачивающей галереи: потолок в виде купола, киоты в торцевых стенах с наличием полочки перед ними. Данное архитектурное решение оптимально вписывается в богослужебное наполнение. Четырехконечный крест, отображаясь в планиграфии четырех перекрестков, подчеркивает полноту крестных страданий. Повороты хода на перекрестках прерывают монотонность движения, заставляя воспринимать станции как отдельные локусы сакрального пространства. Кроме того, наличие перекрестков с вырубленными в двух торцах киотами могло позволять, не меняя сакральную значимость общего количества станций – семь, акцентировать иконографические еще четыре возможные остановки.

Из указанных пяти станций семантическому анализу, на наш взгляд, более доступна первая. Это связано с тем, что мы имеем дело с началом Пути скорби, который в иерусалимской традиции начинается с претория Пилата – места осуждения Христа на смерть. Радзивилл отмечает: «От палат Пилатовых <...> начинается путь плачевной». В этом контексте первая дивногорская часовня Крестного Пути – это претория, служебная резиденция римского наместника. Размеры данного помещения – 2,62 м × 2, 89 м (рис. 6). Его высота – 3,53 м, потолок выполнен в виде свода. Особый интерес здесь представляет северо-западная стена, вокруг которой формируются культовые архитектурные элементы.

Рис. 6. Преторий Пилата, вид с юго-востока, Малые Дивы

По центру стены, на расстоянии от пола в 0,7 м, вырезан аркообразный большой киот шириной в основании 0,91 м. Можно предположить, что ранее в нем находилась икона, изображающая суд над Христом. В основании киота фиксируется полка 0,91 м × 0,33 м. На момент осмотра перед полочкой лежали вырезанные из мела крупные прямоугольные в сечении блоки, из которых ранее могли быть сложены ступени «лестницы Пилата», соединяющиеся с меловыми боковыми уступами.

Идентифицировать оставшиеся четыре узловых станции Пути Скорби в Дивногорье мы не можем с той же степенью достоверности, как предыдущие три, учитывая отсутствие в Позднем Средневековье устоявшейся европейской традиции переноса иерусалимского сакрального топоса. Вместе с тем, если говорить о проекции ранней францисканской традиции

XIV в. создания семи станций, то можно предположить, что это места встречи Христа с Матерью, Симоном Кириянином, благочестивыми женщинами и место, где солдаты бросали жребий об Его одежде [26]. Данная последовательность коррелируется с евангельским текстом о последнем дне земной жизни Иисуса Христа и более поздним картографическим материалом [48. Р. 158].

Таким образом, в результате исследования удалось выявить семантику архитектурных элементов подземного хода вокруг пещерного храма Иоанна Предтечи в урочище Малые Дивы на Среднем Дону. В результате этого подтвердилась наша гипотеза о символическом отражении здесь Виа Долороза – образа Крестного пути Иисуса Христа, существующего в христианской культурной традиции. Последовательность дивногорских станций в нашей трактовке такова: 1) Преторий Пилата,

2) Место встречи Христа с Матерью, 3) место встречи Христа с Симоном Кириянином, 4) место встречи Христа с благочестивыми женщинами, 5) место, где солдаты бросали жребий об Его одежде, 6) Голгофа, 7) Кувуклия с Гробом Господнем.

В сооружении Виа Долороза на донской земле ярко прослеживается влияние западной христианской традиции. Если отнести создание Виа Долороза в Малых Дивах ко второй половине XVII в., то это могло произойти вследствие знакомства иноков-переселенцев с практикой сооружения калварий на своей прежней родине и сопредельных с ней территориях. Надо заметить, что взаимопроникновение католичества и православия на уровне создания и использования предметов культа не являлось исключительным

случаем в донской аскетической практике пещерничества. Так, например, в 2007 г. в Белогорской пещере были обнаружены киотный крест и подвеска, выполненные в западной христианской традиции, датированные концом XVIII в. [49. С. 121]. При этом влияние западного христианства, естественно, не касалось вопросов догматики, так как именно отстаивание ее и приводило в движение колонизационные потоки иноков с Западной Украины на южные окраины Московского государства в XVII в. Вместе с тем ряд архитектурных элементов Скорбного пути (шестигранник Кувуклии с двумя входами в нее) и общее количество станций – семь, заставляет предположить более раннее создание памятника, что является темой отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Приднью // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
2. Stepink V.V. Caves in Divnogorye and Belogorye: monastic and folk tradition in the river Don caves construction // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Cavities Hypogea 2015, Italy, Rome, march 11/17, 2015. Rome, 2015. P. 351–354.
3. Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1 : Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб. : Типография Академии наук, 1771.
4. Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногогорья (история изучения) // Труды музея-заповедника «Дивногогорье». Воронеж : Кварта, 2011. Вып. 2.
5. Степкин В.В. История изучения культовых пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола // Культовые пещеры Среднего Дона. Сер. Спелестологические исследования. М. : РОСИ, 2004. Вып. 4. С. 18–28.
6. Гунько А.А. Морфометрические исследования Дивногогорских, Костомаровских и Колыбелькинских пещер (Воронежская область) // Спелестология и спелестология : сб. материалов IV Междунар. науч. заочной конф. Набережные Челны : НИСПТР, 2013. С. 163–168.
7. Никольский П.В. Дивногогорский Успенский монастырь. Исторический очерк. Воронеж : Типография Исаева, 1904.
8. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків : Основа, 1990.
9. Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М. : Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1887.
10. Головинский П. Слободские казацкие полки. СПб. : Тип. Н. Тиблена и Комп., 1865.
11. Петров Н.И. Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб. : Тип. Тов. Общественная польза, 1888.
12. Петров Н.И. Краткие сведения о православных монастырях Волянской епархии в настоящее время не существующих // Воляньские епархиальные ведомости. 1867. № 1–8.
13. Тевяшов В.Н. Пещерные монастыри Острожского уезда // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Вып. 1.
14. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев : Тип. С.В. Кульженко, 1883. Т. 2.
15. Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря чернаго диакона Ионы по рекому Маленькаго 1649–1652 гг. / под ред. С.О. Долгова // Православный Палестинский сборник. СПб. : Издание Императорского Православного Палестинского Общества, 1895. Т. XIV, вып. 3.
16. Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 7а. Кн. 68.
18. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3.
19. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. 4.
20. Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (материал для библиографии). СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1877.
21. Меловые пирамиды // Отечественные достопамятности. 1823.
22. Данилевский Г.П. Дивногогорск. (Очерк из путевых заметок) // Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения. 1853. Ноябрь.
23. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // Известия Императорской археологической комиссии. 1911. Вып. 43.
24. Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. М. : Дарь, 2012.
25. Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель. М. : Императорское Православное Палестинское Общество ; СПб. : Издательство Олега Абышко, 2015.
26. Alston Ge.C. Way of the Cross. The Catholic Encyclopedia. N.Y. : Robert Appleton Company, 1912. Vol. 15. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/15569a.htm>
27. Rickert J. Stations of the Cross: An imitative devotional exercise conducted at Lamb of God Lutheran Church Spartanburg, South Carolina. 2014. URL: http://digitalcommons.gardner-webb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=divinity_etd
28. Яворская С.Л. «Шумаевский крест» и калвария царя Алексей Михайловича // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М. : Индрик, 2006. С. 706–739.
29. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим под Москвой. Аспекты замысла и новые открытия // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 745–773.
30. Баталов А.П., Беляев Л.А. Почитание Гроба Господня на Руси // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 145–148.
31. Валаамский монастырь. Путеводитель. 2-е изд., перераб. / под общ. ред. епископа Троицкого Панкратия, игумена Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. СПб. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2016.
32. Панченко К.А. Монастыри и бедуины в османской Палестине и на Синае (XVI – первая пол. XIX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета III: Филология. 2007. Вып. 1 (7). С. 68–98.
33. Федорова И.В. О сборнике путешествий из собрания ГИМ (Синод. 529) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 248–263.

34. Федорова И.В. Переводные памятники паломнической литературы Московской Руси XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 293–304.
35. Беляев Л.А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 202–220.
36. Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М. : Наука, 1985. С. 93–115.
37. Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в Св. Землю в 1582 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. 1901. Ч. XXXIV. Апрель. СПб. : Типография «В.С. Балашен и Ко», 1901. С. 359–388.
38. Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи (перевод и комментарии О.А. Белобровой) // Повести и сказания Древней Руси. Памятники литературы XI–XVII веков в избранных переводах. Изборник / под ред. Д.С. Лихачева. СПб. : Диля, 2001. С. 464–487, 999–1012.
39. Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. // Православный Палестинский сборник. СПб. : Издание Православного Палестинского Общества, 1889. Т. IX, вып. 3.
40. Путешествие ко Святым Местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787.
41. Житие и хождение Даниила Русьская земли игумена 1106–1107 гг. / под ред. М.А. Веневитинова // Православный Палестинский сборник СПб. : Издание Православного Палестинского Общества, 1885. Вып. 3, 9.
42. Грибов Ю.А. Образ Святой Земли в лицевом рукописном «Хождении Трифона Коробейникова» // Богословские труды. 1999. № 35. С. 136–144.
43. Путешествие иеродиакона Ионы по Святым Местам // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб. : В типографии Сахарова, 1849. Т. 2, кн. 5–8. С. 161–168.
44. Хождение игумена Даниила (перевод и комментарии Г.М. Прохорова) // Повести и сказания Древней Руси. Памятники литературы XI–XVII веков в избранных переводах. Изборник / под ред. Д.С. Лихачева. СПб. : Диля, 2001. С. 144–190, 866–889.
45. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Ммш. школа, 1975.
46. Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годонова // Иерусалим в русской культуре. М. : Наука, 1994. С. 154–171.
47. Беляев Л.А. Гроб Господень. Архитектурная история // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 138–142.
48. Sandys G. Relation of a journey begun an: Dom: 1610. London, 1621.
49. Степкин В.В. Материальная и духовная культура пещерокопателя донской лесостепи конца XVIII в. (по материалам закрытого комплекса Белогорского монастыря) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 118–122.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 марта 2017 г.

VIA DOLOROSA IN THE CAVES OF THE MALYE DIVY AREA IN THE MIDDLE DON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 167–179.

DOI: 10.17223/15617793/426/21

Vitaliy V. Stepkin, Pavlovsk Secondary School with Enhanced Coverage of Certain Subjects (Pavlovsk, Russian Federation).

E-mail: archeolog@mail.ru

Keywords: Divnogorye; pilgrimage to Holy Land; New Jerusalem; Via Dolorosa; caves.

The objective of the research is to reveal the meaning of the cave tunnel architectural elements in the Divnogorsky Assumption Monastery in the Middle Don. The author hypothesizes on a symbolic reflection here of Via Dolorosa (The Way of the Cross), a street in Jerusalem being a symbolic reflection of Jesus Christ's way to his crucifixion. Herewith the author addresses the following issues: 1) clarification of the monument's historical background; 2) written sources analysis: pilgrimage to the Holy Land description and application of the findings to the architectural elements of the caves in Divnogorye. The solution of the second task allows opening a new methodological aspect to understand the intended purpose for the numerous underground passages and spaces of ancient cult caves in the Russian Plain. The Divnogorsky Assumption Monastery is located in the area of the Tikhaya Sosna inflow into the Don. It traces its roots to the middle of the 17th century. It was a result of a secular and monastery settlement in the south border of the Moscow State by Orthodox Christians native of Western Ukraine. The monks who came to the new community brought the European tradition of the Via Dolorosa construction. The tradition dates back to the 14th century and in the 17th century it became widespread in European countries. Initially, the Way of the Cross was seven symbolic architectural stations, which reflected significant events of the last day of Jesus Christ's earthly life. The same principle can be seen in the caves of the Divnogorsky Monastery. The first station is outlined by the chapel, it is Pilate's court. This very station starts the Way of the Cross in Jerusalem. Stations two to five are outlined by turns of the underground tunnel; they form a cross on the plan emphasizing the plenitude of suffering on the cross. The second station is the place where Christ met His Blessed Mother. The third station is the place where Christ met Simon of Cyrene. The fourth station is the place where Christ spoke to the women of Jerusalem. The fifth station is the place where the soldiers cast lots for Jesus Christ's garment. The identification of the stations was made in accordance with the early European tradition based on the Gospels. The sixth station is Golgotha. Its symbolism can be easily recognized due to the steps leading up and down in the cave tunnel. Besides, the number of the steps is equal to those in the Church of Resurrection in Jerusalem described by Russian pilgrims Vasilii Poznyakov and Trifon Korobeynikov in the 16th century. The seventh station is the Edicule of the Holy Sepulture. It is clearly symbolized by its hexagonal shape and sepulture carved out in the chalk rock. The sepulture is positioned in accordance with the present tradition. The Way of the Cross explained hereby is unique and non-typical for Russia, which is strengthened by its underground position. A very important task now is its preservation and further study due to its earlier dating.

REFERENCES

1. Stepkin, V.V. (2008) Peshcherostroitel'stvo kak vid khristianskogo podvizhnichestva v lesostepnom Pridon'e [Cave construction as a kind of Christian asceticism in the forest-steppe Don area]. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 3 (11). pp. 141–150.
2. Stepkin, V.V. (2015) Caves in Divnogorye and Belogorye: monastic and folk tradition in the river Don caves construction. *Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Cavities Hypogea 2015*. Italy, Rome. March 11–17, 2015. Rome. pp. 351–354.
3. Gmelin, S. (1771) Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva. Ch. 1: Puteshestvie iz Sanktpeterburga do Cherkaska glavnogo goroda Donskikh kozakov v 1768 i 1769 godakh [Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature. Part 1: Journey from St. Petersburg to Cherkask, the main city of the Don Cossacks in 1768 and 1769]. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk.

4. Zakharova, E.Yu. & Kondrat'eva, S.K. (2011) Arkhitekturnye i arheologicheskie pamyatniki Divnogor'ya (istoriya izucheniya) [Architectural and archaeological monuments of the Divnogorye (study history)]. In: Zakharova, E.Yu. & Kondrat'eva, S.K. (eds) *Trudy muzeya-zapovednika "Divnogor'e"* [Works of the Divnogorye museum-reserve]. Is. 2. Voronezh: Kvarta.
5. Stepkin, V.V. (2004) Istoriya izucheniya kul'tovykh peshchernykh sooruzheniy basseyna Dona i Oskola [History of the study of cult cave structures in the Don and the Oskol basin]. In: Sokhin, M.Yu. (ed.) *Kul'tovye peshchery Srednego Dona. Ser. Speleologicheskie issledovaniya* [Cult caves of the Middle Don. Ser. Speleological studies]. Is. 4. Moscow: ROSI.
6. Gun'ko, A.A. (2013) [Morphometric studies of the Divnogorye, Kostomarov and Kolybelkino caves (Voronezh Oblast)]. *Speleologiya i speleotologiya* [Speleology and spelethology]. Proceedings of the IV International Correspondence. Naberezhnye Chelny: NISPTR. pp. 163–168. (In Russian).
7. Nikol'skiy, P.V. (1904) *Divnogorskiy Uspenskiy monastyr'*. *Istoricheskiy ocherk* [Divnogorsky Assumption Monastery. A historical essay]. Voronezh: Tipografiya Isaeva.
8. Bagaliy, D.I. (1990) *Istoriya Slobids'koï Ukraini* [History of Sloboda Ukraine]. Kharkiv: Osnova.
9. Bagaley, D.I. (1887) *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the history of colonization of the steppe borderland of the Moscow state]. Moscow: Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istori i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universite.
10. Golovinskiy, P. (1865) *Slobodskie kazach'i polki* [Sloboda Cossack regiments]. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i Komp.
11. Petrov, N.I. (1888) *Volyn'. Istoricheskie sud'by Yugo-Zapadnogo kraya* [Volyn. Historical fates of the South-Western territory]. St. Petersburg: Tip. Tov. Obshchestvennaya pol'za.
12. Petrov, N.I. (1867) Kratkie svedeniya o pravoslavnykh monastyryakh Volynskoy eparkhii v nastoyashchee vremya ne sushchestvuyushchikh [Brief information about the Orthodox monasteries of the Volyn diocese currently not existing]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–8.
13. Tevyashov, V.N. (1883) Peshchernye monastiri Ostrogozhskogo uyezda [Cave monasteries of Ostrogozhsky Uyezd]. *Trudy Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 1.
14. Golubev, S. (1883) *Kievskiy mitropolit Petr Mogila i ego spodvizhniki* [Kiev Metropolitan Pyotr Mogila and his companions]. Vol. 2. Kiev: Tip. S.V. Kul'zhenko.
15. Dolgov, S.O. (ed.) (1895) Povest' i skazanie o pokhozhdenii v Ierusalim i vo Tsar'grad Troitskogo Sergieva monastyrya chernago diakona Iony po reklomu Malen'kago 1649–1652 gg. [The story and legend about the journey of a regular diakon of the Troitsky Sergius Monastery Iona the Small in 1649–1652 to Jerusalem and to Tsargrad]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Vol. 14. Is. 3. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
16. Kapterev, N.F. (1895) *Snosheniya ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do kontsa XVIII stoletiya* [The relations of the Jerusalem Patriarchs with the Russian government from the middle of the 16th to the end of the 18th centuries]. St. Petersburg: Imp. Pravosl. palest. o-vo.
17. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 210. List 7a. Book 68. (In Russian).
18. Ustryalov, N.G. (1858) *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [The history of the reign of Peter the Great]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii.
19. Bogoslovskiy, M.M. (1948) *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Materials for a biography]. Vol. 4. Moscow: Sotsekgiz.
20. Ponomarev, S. (1877) *Ierusalim i Palestina v russkoy literature, nauke, zhivopisi i perevodakh (material dlya bibliografii)* [Jerusalem and Palestine in Russian literature, science, painting and translation (material for a bibliography)]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
21. Shiryayev, A.S. (1823) Melovye piramidy [Chalkrock pyramids]. In: *Otechestvennye dostopamyatnosti* [Domestic memorabilia]. Moscow: V Universitetskoy tipografii.
22. Danilevskiy, G.P. (1853) Divnogorsk. (Ocherk iz putevykh zametok) [Divnogorsk. (Essay from travel notes)]. *Pribavlenie k Zhurnalu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. November.
23. Makarenko, N.E. (1911) Arkheologicheskie issledovaniya 1907–1909 godov [Archaeological research of 1907–1909]. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii*. 43.
24. Lisovoy, N.N. (2012) *Otkrovenie Svyatoy Zemli* [Revelation of the Holy Land]. Moscow: Dar'.
25. Lisovoy, N.N. (2015) *Svyataya Zemlya: istoriya i nasledie. Pravoslavnyy putevoditel'* [The Holy Land: history and legacy. Orthodox Guide]. Moscow: Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo; St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
26. Alston, Ge.C. (1912) *Way of the Cross. The Catholic Encyclopedia*. Vol. 15. N.Y.: Robert Appleton Company. [Online] Available from: <http://www.newadvent.org/cathen/15569a.htm>.
27. Rickert, J. (2014) *Stations of the Cross: An imitative devotional exercise conducted at Lamb of God Lutheran Church, Spartanburg, South Carolina*. [Online] Available from: http://digitalcommons.gardner-webb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=divinity_etd.
28. Yavorskaya, S.L. (2006) "Shumayevskiy krest" i kal'variya tsarya Aleksey Mikhaylovicha ["Shumayevsky Cross" and the calvary of Tsar Alexei Mikhailovich]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi* [Hierotopia. Creation of sacral spaces in Byzantium and Ancient Rus]. Moscow: Indrik.
29. Zelenskaya, G.M. (2009) Novyy Ierusalim pod Moskvoy. Aspekty zamysla i novye otkrytiya [New Jerusalem near Moscow. Aspects of the plan and new discoveries]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novyye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik.
30. Batalov, A.P. & Belyaev, L.A. (2006) Pochitanie Groba Gospodnya na Rusi [Veneration of the Holy Sepulcher in Russia]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
31. Pankraty. (ed.) (2016) *Valaamskiy monastyr'. Putevoditel'* [The Valaam Monastery. A Guide]. 2nd ed. St. Petersburg: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr'.
32. Panchenko, K.A. (2007) Monastiri i beduiny v osmanskoj Palestine i na Sinae (XVI – pervaya pol. XIX v.) [Monasteries and Bedouins in the Ottoman Palestine and Sinai (16th – first half of the 19th centuries)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta III: Filologiya*. 1 (7). pp. 68–98.
33. Fedorova, I.V. (2003) O sbornike puteshestviy iz sobraniya GIM (Sinod. 529) [On the collection of journeys from the collection of the State Historical Museum (Synod 529)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 53. pp. 248–263.
34. Fedorova, I.V. (2008) Perevodnye pamyatniki palomnicheskoy literatury Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Translated monuments of pilgrimage literature of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 59. pp. 293–304.
35. Belyaev, L.A. (2009) Ierusalim vidimy i nevidimy: o tipologii vizual'nykh otazheniy Svyatoy Zemli v drevnerusskoy kul'ture [Jerusalem visible and invisible: the typology of visual reflections of the Holy Land in ancient Russian culture]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novyye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik.
36. Pluzhnikov, V.I. (1985) Peshchernye monastiri na Donu i Oskole [Cave monasteries on the Don and the Oskol]. In: Vygodov, V.P. (ed.) *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Goroda, ansambl'i, zodchie* [Monuments of Russian architecture and monumental art. Cities, ensembles, architects]. Moscow: Nauka.
37. Rubtsov, M.V. (1901) K voprosu o "Khozhdenii" Trifona Korobeinikova v Sv. Zemlyu v 1582 g. [On the "Journey" of Trifon Korobeinikov to the Holy Land in 1582]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Decade Seven. CCCXXXIV. April. pp. 359–388.
38. Likhachev, D.S. (ed.) (2001) Khozhdenie na Vostok gostya Vasiliya Poznyakova s tovarishchi [The Journey to the East of the guest Vasily Poznyakov with his companions]. Translation and commentaries by O.A. Belobrova. In: *Povesti i skazaniya Drevney Rusi. Pamyatniki literatury XI–*

XVII vekov v izbrannykh perevodakh. Izbornik [The tales and legends of Ancient Rus. Monuments of literature of the 11th-17th centuries in selected translations. Anthology]. St. Petersburg: Dilya.

39. Anon. (1889) Khozhdenie Trifona Korobeinikova 1593–1594 gg. [The Journey of Trifon Korobeinikov 1593–1594]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Vol. 9. Is. 3. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
40. Anon. (1787) *Puteshestvie ko Svyatym Mestam i v Egipet knyazya Nikolaya Khristofora Radzivila* [Journey to Holy Places and Egypt of Prince Nicholas Christopher Radzivil]. St. Petersburg: tip. Vil'kovskogo i Galchenkova.
41. Venevitinov, M.A. (ed.) (1885) (1885) Zhitie i khozhdenie Daniila Rus'skyya zemli igumena 1106–1107 gg. [Life and journeys of Daniil, a hegumen of the Russian land, in 1106–1107]. In: *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [Orthodox Palestine collection]. Is. 3, 5. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva.
42. Gribov, Yu.A. (1999) Obraz Svyatoy Zemli v litsevom rukopisnom “Khozhdenii Trifona Korobeinikova” [The image of the Holy Land in the illustrated handwritten “Journey of Tryphon Korobeinikov”]. *Bogoslovskie trudy*. 35. pp. 136–144.
43. Sakharov, I. (ed.) (1849) *Puteshestvie ierodiakona Iony po Svyatym Mestam* [The Journey of Hierodeacon Iona to Holy Places]. In: *Skazaniya russkago naroda, sobrannyya I. Sakharovym* [Tales of the Russian people, collected by I. Sakharov]. Vol. 2. Books 5–8. St. Petersburg: V tipografii Sakharova.
44. Likhachev, D.S. (ed.) (2001) Khozhdenie igumena Daniila [The Journey of Hegumen Daniel]. Translation and commentaries by G.M. Prokhorov. In: *Povesti i skazaniya Drevney Rusi. Pamyatniki literatury XI–XVII vekov v izbrannykh perevodakh*. Izbornik [The tales and legends of Ancient Rus. Monuments of literature of the 11th-17th centuries in selected translations. Anthology]. St. Petersburg: Dilya.
45. Kamentseva, E.I. & Ustyugov, N.V. (1975) *Russkaya metrologiya* [Russian metrology]. 2nd ed. Moscow: Mmssh. shkola.
46. Batalov, A.L. (1994) Grob Gospoden' v zamysle “Svyataya Svyatykh” Borisa Godonova [The Holy Sepulcher in the project “the Holy of Holies” of Boris Godunov]. In: Batalov, A.L. & Lidov, A.M. (eds) *Ierusalim v russkoy kul'ture* [Jerusalem in Russian Culture]. Moscow: Nauka.
47. Belyaev, L.A. (2006) Grob Gospoden'. Arkhitekturnaya istoriya [The Holy Sepulcher. Architectural History]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”.
48. Sandys, G. (1621) *A relation of a journey begun An: Dom: 1610*. London: Printed for W. Barrett.
49. Stepkin, V.V. (2014) Material and intellectual culture of cave founders in Don forest-steppe in the end of the XVIII century adapted from materials of the closed complex of Belogorsky Monastery. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 3. pp. 118–122. (In Russian).

Received: 08 March 2017